

Говард Филлипс Лавкрафт

То, что приносит луна

(What the Moon Brings)

Я ненавижу луну – я боюсь её – за то, что её свет превращает знакомые места в незнакомые и ужасные.

Это было призрачным летом, когда луна освещала старый сад, где я бродил; призрачным летом наркотических цветов и морей влажной листвы, что вызывают дикие и разноцветные грёзы.

И когда я переходил мелкий ручей, я увидел непривычные пульсации жёлтого света, как будто спокойные воды тянуло непреодолимым потоком в странные океаны чуждого нам мира.

Безмолвные и сверкающие, яркие и мрачные, те проклятые лунной воды торопились – я не знаю куда, - в то время как белые цветы лотоса порхали в ночном опьяняющем ветре, и один за другим в отчаянии падали в поток, несущийся под изогнутый резной мост, оглядываясь со зловеще-спокойными мёртвыми лицами.

И когда я бежал вслед за ними вдоль берега, сминая беспечными ногами спящие цветы, и сходя с ума от беспричинного страха; я осознал, что сад не имеет конца под этой лунной; там, где днём были стены, - тянулись новые тропинки и уходили в перспективу деревья, кусты, каменные идолы и пагоды, а жёлтый поток, изгибаясь, мчался уже не мимо травянистых берегов, а мимо мостов из мрамора.

А губы мёртвых лотосов грустно шептали и предлагали мне следовать за ними, и я не прекращал свой бег, пока поток не достиг реки и не затерялся среди болот, качающегося тростника и сверкающего песка на берегу обширного безымянного моря.

Над этим морем сияла ненавистная луна, а над его волнами витало сверхъестественное зловоние. И в этот момент лица лотосов исчезли, и я не успел выучить их секреты, которые луна принесла в эту ночь. Но когда луна ушла на запад, и вода отошла от угрюмого берега, я увидел в жёлтом свете древние шпили, что вечно были сокрыты водой, и белые колонны с фестонами, покрытые зелёными водорослями. Но, узнав, что в этом затопленном месте собираются все умершие, я задрожал и не захотел больше говорить с лотосами.

Однако, когда вдалеке над морем показался чёрный кондор, ищущий место для отдыха на этом безграничном пространстве, мне захотелось спросить его о тех, кого я знал ещё живыми. Я бы спросил об этом, если бы он подлетел поближе, но он приземлился на очень отдалённом рифе.

Итак, я наблюдал, как море отступает под тонущей лунной, и видел сверкающие башни, шпили и крыши мёртвого города. И пока я наблюдал, мои ноздри старались закрыться от всепобеждающего зловония мёртвого мира, поскольку в этом богом забытом месте

собиралась вся плоть с кладбищ, и опухшие морские черви грызли ее. И над этими ужасами луна теперь висела низко, но опухшие морские черви не нуждались в её свете, чтобы делать свою работу.

И вот, наблюдая за рябью на воде, которая возникала от корчащихся под ней червей, я вдруг почувствовал новый порыв ветра с той стороны, откуда прилетел кондор; как будто моё тело почувствовало ужас ещё до того, как мои глаза увидели его. Не успело моё тело задрожать без причины, как я поднял глаза и увидел, что вода очень медленно отходит, показывая основание того рифа, вершину которого я видел ранее.

И, увидев, что этот риф из чёрного базальта, с шокирующим изображением, чей монструозный лоб теперь показался в тусклом лунном свете и чьи мерзкие копыта, должно быть, уходят вглубь адского болота на мили вниз; я вопил и вопил, до тех пор, пока скрытое лицо не показалось над волнами и его глаза не посмотрели на меня под скошенным взглядом предательски жёлтой луны.

И чтобы избежать окончательного сумасшествия, я с радостью погрузился в вонючие воды, где посреди худосочных стен и затопленных улиц неизвестного города жирные морские черви поедают умирающий мир.

Перевод: Алексей Черепанов

2004 год